

Максим Байтович

ЭФФЕКТ ДЕДУШКИ

Максим Байтович
Эффект дедушки

«Автор»

2026

Байтович М.

Эффект дедушки / М. Байтович — «Автор», 2026

2052 год. Мир, где нейрочипы заменили память, а прошлое объявлено устаревшим. Шестнадцатилетний Кай Новак — изгой, отказавшийся от имплантата. Его единственная связь с миром — дед, чей разум медленно стирает цифровой Альцгеймер. Всё, что остаётся старику, — странная мелодия, сыгранная почти полвека назад. Когда загадочный физик Ари предлагает Каю отчаянный план — отправиться в прошлое и спасти воспоминание деда, — он соглашается не раздумывая. Но прыжок в 2004 год запускает цепь событий, которых никто не ждал. За ними охотится безжалостная корпорация. Временные парадоксы множатся. А где-то в альтернативном будущем существует другой Кай — готовый уничтожить реальность, чтобы остановить их. У Кая есть 72 часа, гитара деда и мелодия, которая может изменить всё. Потому что прошлое — не то, чем кажется. И иногда, чтобы спасти будущее, нужно сначала разгадать «Эффект дедушки».

© Байтович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Точка невозврата	5
Глава 1: Аналоговый	7
Глава 2: Ржавый пояс	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Максим Байтович

Эффект дедушки

Пролог: Точка невозврата

Свалка «Ржавый пояс», 14 ноября 2052 года, 02:47

Тишина над кладбищем маглево взрывается воем сирены.

Кай Новак вжимает педаль антиграва до щелчка. «Игла» — вытянутая капсула цвета мокрого асфальта, собранная из списанных вагонов и украденных военных стабилизаторов, — дрожит на магнитной подушке, как загнанный зверь. Сквозь треснувший триплекс видно, как к ангару стягиваются огни. Красные, мигающие. Корпоративный спецназ «НейроТеха» не умеет шутить.

— Ари, время! — орёт Кай, не оборачиваясь.

Ариадна Векслер сидит в кресле второго пилота, хотя «второй пилот» — громко сказано. Квантовый Мост, встроенный в хвостовой отсек, выглядит как кокон из медных трубок и пульсирующих синих кристаллов. От него пахнет озоном и жжёным сахаром. Ари вцепилась в голографический интерфейс обеими руками. Пальцы дрожат. Она вводит координаты не по картам — по обрывку мелодии, которую ей насвистел дед Кая. Частота. Ритм. Год.

— До прыжка тридцать секунд, — голос Ари звучит спокойно, но Кай знает: это шок. Полчаса назад у неё на глазах застрелили её научного руководителя. — Кай, если я ошибусь на пару тактов, мы растворимся.

— Тогда не ошибись.

Снаружи бьют плазменные разряды. Один прожигает стену ангара — искореженный металл осыпается искрами. Кай видит тени в шлемах. Десять, может, двенадцать фигур. У них «Глушилки» — электромагнитные винтовки, от которых мозг отключается раньше, чем сердце.

«Игла» дёргается, набирая частоту. Квантовый Мост требует эмоционального резонанса. Кай закрывает глаза и пытается вызвать нужное чувство. Страх? Злость? Нет, Ари говорила: нужен дофамин. Радость. Эйфория на грани.

Он вспоминает деда. Единственное светлое воспоминание из детства: старый чудак сидит у окна, не помнит ни дня недели, ни имени Кая, но пальцы сами отбивают ритм по подлокотнику. Та-да-дам. Та-да-дам. Мелодия, которую он играл жене сорок восемь лет назад. Кай пытался найти эту песню во всех базах данных. Её не существует. Дед написал её сам. И забыл.

Та-да-дам. Кай мысленно повторяет мотив, и по телу растекается тепло — та странная, щемящая радость, когда знаешь, что теряешь что-то навсегда, но всё равно тянешься за ним.

— Резонанс! — кричит Ари. — Держи!

Перед глазами Кая мир превращается в рваную акварель. Ангар, свалка, спецназ — всё закручивается спиралью, как смываемая вода. «Игла» не двигается с места физически, но время вокруг неё начинает течь вспять. Кай видит, как плазменный разряд, уже коснувшийся обшивки, замирает и ползёт обратно в дуло винтовки. Как тени спецназовцев пятятся. Как ржавчина на стенах светлеет и исчезает.

Ари открывает глаза. В них — ужас и восторг.

— Кай... у нас проблема.

— Что?!

— Резонанс слишком сильный. Я целилась на 2004-й, но нас тащит глубже. Временной поток нестабилен.

— Насколько глубже?!

Ответ он уже не слышит. «Игла» входит в квантовый штопор. Последнее, что фиксирует мозг Кая — лицо Ари, которая тянет к нему руку и беззвучно произносит одно слово. По губам он читает:

«Помни».

Внутренности «Иглы», временная точка неизвестна.

Кай приходит в себя от холода. Триплекс покрыт изморозью. Ари в соседнем кресле без сознания. Квантовый Мост мигает аварийным оранжевым: «ОШИБКА ЯКОРЯ. ДАТА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА».

Он смотрит на дисплей. Единственное, что удалось считать системе — город. Вена. Улица. Координаты.

И ещё одно слово, которого в протоколах быть не должно. Искусственный интеллект Квантового Моста, обученный на человеческом языке, вывел на экран интерпретацию того, во что они влетели:

«ЭФФЕКТ ДЕДУШКИ. АКТИВНАЯ ФАЗА»

Глава 1: Аналоговый

Ноябрь 2052 года, Восточный сектор, 07:15

Потолок в комнате Кая был единственным, что он любил в этом доме.

Старая мансарда дедовского коттеджа, единственного уцелевшего здания в секторе тотальной застройки. Пока соседи продавали душу «НейроТеху» и переезжали в стерильные квартиры с голографическими стенами, дед держался за эту развалюху, как за спасательный круг. А когда его мозг начал угасать, Кай остался здесь сам. Не из сентиментальности — из упрямства.

Потолок был обклеен бумажными плакатами. Настоящими. Двадцать первый век, эпоха до нейросетей. «Linkin Park», «My Chemical Romance», «Nirvana». Дед называл их «музыкой, от которой болела голова у родителей». Кай находил эти плакаты на цифровых свалках — архивах, которые никто не открывал последние тридцать лет, — и печатал на старом плоттере, который сам же и починил.

Напротив кровати висел самый ценный экспонат: гитара. Настоящий Gibson Les Paul 2003 года, тяжёлый, как чугунная сковорода, с трещиной на грифе и выцветшей наклейкой «Fuck the System». Кай купил её на подпольном аукционе за деньги, отложенные на нейрочип. Когда одноклассники узнали, что он потратил состояние на «деревяшку со струнами», его перестали приглашать даже в виртуальные классы.

Он не жалел.

Кай спустил босые ноги на холодный пол и потянулся. В углу пискнул коммуникатор — старая модель, без голографического интерфейса, просто плоский экран. Школа напоминала о начале уроков. «Доброе утро, Кай! Сегодня тест по истории Цифрового Перехода. Явка обязательна. Штраф за прогул: 500 кредитов». Он выключил уведомление, даже не дочитав.

Дед уже не спал. Из кухни доносился ритмичный стук — та-да-дам, та-да-дам. Пальцы старика выбивали этот ритм по деревянному подлокотнику его кресла, всегда один и тот же. Кай остановился в дверях и молча смотрел.

Деду было восемьдесят, но выглядел он на сто. Высохший, с тонкой, как пергамент, кожей и глазами, которые смотрели сквозь предметы. Нейрочип в его височной доле — модель «Мнемо-4», ранняя, дешёвая — должен был сохранить память. Вместо этого он пожирал её. Дед мог вспомнить рекламу энергетического напитка, которую видел вчера в трансляции, но не мог назвать имя своей жены.

— Доброе утро, — сказал Кай, хотя знал, что ответа не будет.

Дед поднял взгляд. В нём мелькнуло узнавание — секунда, не больше, — и исчезло.

— Ты из школы? — спросил старик. — Опять двойка по аугментации?

— Я уже в десятом классе, дед. И аугментации у меня нет. Ты забыл.

Дед нахмурился. Пальцы замерли. Кай тут же пожалел о своих словах. Нельзя напоминать ему, что он забыл. Это как тыкать в открытую рану. Но каждый раз срывалось.

— Я есть хочу, — сказал дед, и это было первым осмысленным предложением за утро.

Кай кивнул и пошёл к синтезатору пищи. Аппарат загудел, собирая из белковой смеси подобие омлета. Пока синтезатор работал, Кай включил музыку. Не через нейросеть, конечно, — у него не было даже базового интерфейса. Он включил колонки. Настоящие, с проводами. Из динамиков полился хриплый голос Честера Бенningтона: «I tried so hard and got so far, but in the end it doesn't even matter...»

Дед замер.

Ложка выпала из его руки и звякнула о тарелку. Он повернул голову к колонке, и в его глазах — впервые за недели — появился фокус.

— Это... — прошептал он. — Это оттуда. Из того года.

Кай выключил синтезатор и медленно подошёл.

— Из какого года, дед?

— Из того... где она. Где Аня.

Аня. Анна. Бабушка. Единственное имя, которое дед ещё помнил — и то не всегда. Кай опустился на корточки рядом с креслом и взял старика за руку. Тонкую, в пигментных пятнах, с вьёвшимся запахом машинного масла — дед когда-то был механиком, лучшим в секторе. До того как нейрочипы сделали механику ненужной. До того как мир решил, что люди дешевле запчастей.

— Расскажи про неё. Про Аню.

Дед зажмурился. Пальцы снова задвигались — та-да-дам. Та-да-дам.

— Она стояла у фонтана, — сказал он, и голос его дрогнул. — В Вене. Мы тогда поехали по студенческому обмену. Дурацкая программа «Европа без границ». Я играл на гитаре. Она подошла и сказала... сказала...

Он осёкся. Лицо исказилось — нейрочип вырезал фразу прямо на середине, заменив её интерфейсным сообщением, которое Кай, конечно, не видел. Дед дёрнулся, как от удара током, и откинулся в кресле.

— Дед!

— Всё нормально, — старик открыл глаза и посмотрел на Кая уже пустым, стандартным взглядом. — Ты кто?

Улица, 07:52

Кай вышел из дома, хлопнув дверью сильнее, чем нужно. Утренний сектор дышал стерильностью. Белые фасады, белые дроны-уборщики, белые костюмы прохожих. Люди шли, глядя в голографические интерфейсы, которые висели перед их глазами. Для Кая это выглядело как толпа сумасшедших, разговаривающих с воздухом. Он сунул руки в карманы старой кожаной куртки — ещё одна вещь деда, 2020-е, потёртая, скрипучая — и двинулся к станции маглева.

Школа ждала. Точнее, Школа №47 имени Корпорации «НейроТех», как её переименовали после приватизации образования. Десять лет назад государство передало все школы корпорациям. «Эффективность», «индивидуальный подход», «подготовка кадров будущего» — красивые слова, за которыми скрывалась простая истина: если у тебя нет нейрочипа, ты не существуешь.

Кай был единственным учеником в школе без имплантата. И единственным, кто ещё умел писать ручкой.

На станции маглева он заметил её. Девушку, которая не смотрела в голограмму. Она стояла у края платформы, ветер трепал её тёмные волосы, а в руках она держала книгу. Бумажную книгу. Кай не поверил глазам. Он замедлил шаг и уставился, забыв о приличиях.

Девушка подняла взгляд. Лет двадцать пять, может, чуть больше. Резкие черты лица, тёмные круги под глазами — такие бывают у тех, кто не спит по трое суток, — и странная, почти пугающая сосредоточенность во взгляде.

— Что, не видел человека с книгой? — спросила она, не улыбаясь.

— Видел. В музее.

Она хмыкнула и захлопнула книгу. На обложке Кай успел прочитать: «Квантовая запутанность и причинно-следственные парадоксы. Запрещённое издание».

— Ты Кай, верно? — спросила она.

— Откуда ты...

— Я знаю твоего деда. — Она шагнула ближе, и Кай заметил, что у неё дрожат пальцы. От недосыпа или от страха — непонятно. — Меня зовут Ариадна Векслер. Можно просто Ари. И нам нужно поговорить о том, что случилось в Вене в 2004 году.

Маглев с шипением прибыл на станцию. Двери открылись. Толпа хлынула внутрь, но Кай стоял как вкопанный.

— Что ты знаешь про Вену?

Ари огляделась. Её лицо напряглось. Среди толпы Кай заметил двух мужчин в одинаковых серых костюмах — они не заходили в вагон, они стояли и смотрели. На Ари.

— Не здесь, — сказала она. — Сегодня в полночь. Свалка «Ржавый пояс», ангар 12. Приходи один. И Кай?..

— Что?

— Захвати гитару деда.

Маглев ушёл. Ари растворилась в толпе, а двое в серых костюмах двинулись за ней. Кай остался на платформе, сжимая в кармане медиатор — старый, потёртый, с логотипом группы, которую он никогда не слышал живьём.

Уроки подождут.

Конец первой главы.

Что думаешь? Мы заложили основу:

Мир 2052-го показан через контраст: тёплый, аналоговый хаос в доме Кая и стерильный холод снаружи.

Дед и его мелодия — эмоциональный центр.

Ари появляется как загадочный катализатор.

Двое в серых костюмах — сразу ощущение угрозы и слезки.

Глава 2: Ржавый пояс

Свалка «Ржавый пояс», 14 ноября 2052 года, 23:41

Ночью свалка оживала.

Днём это было мёртвое место — гигантское кладбище списанных маглево́в, ржавых промышленных роботов и устаревших аугментаций, которые «НейроТех» сбрасывал сюда целыми контейнерами. Но после заката свалка начинала дышать. Сюда сползались аналоговые — такие же, как Кай, — те, кто по разным причинам отказался от чипов или не мог их себе позволить. Торговцы запрещёнными книгами, механики-самоучки, художники, рисующие на настоящем холсте, и просто беглецы, не желавшие, чтобы корпорация знала каждый их шаг.

Кай знал здесь каждый закоулок. «Ржавый пояс» был его вторым домом — точнее, первым, если считать, что дом с дедом превратился в больничную палату.

Он шёл мимо остовов поездов, подсвечивая дорогу фонариком — настоящим, с батарейками, а не нейро-импульсным. За спиной висел чехол с Gibson Les Paul. Гитара была тяжёлой, и ляпка врезалась в плечо, но Кай не снимал её. Ари сказала принести — значит, принёс.

Ангар 12 стоял в самой глубине свалки, у заброшенной ветки маглева, которую не использовали лет двадцать. Когда-то здесь был ремонтный цех, но теперь — груда металла, увитая проводами, как лианами. Кай толкнул ржавую дверь, и та отозвалась таким скрежетом, что с ближайшей балки сорвалась стая голубей — живых, не дронов.

Внутри горел свет.

Не голографический, не неоновый — обычные лампы накаливания, тёплые, жёлтые, как в детстве. Они свисали с потолка на кривых проводах и освещали то, что Кай сначала принял за старый вагон маглева.

А потом присмотрелся.

Это была не просто капсула. Кто-то переделал её — срезал обшивку, обнажив ребристый каркас, вживил в бока стабилизаторы, похожие на плавники древней рыбы, а в хвостовую часть встроил конструкцию, которую Кай не смог опознать даже со своим опытом механика. Медные трубки оплетали прозрачную сферу, внутри которой плавали синие кристаллы. Они пульсировали — медленно, ритмично, как сердце.

— Нравится?

Ари вышла из-за капсулы, вытирая руки ветошью. Те же тёмные круги под глазами, та же сосредоточенность, но теперь — лёгкая улыбка. Улыбка человека, который слишком долго работал в одиночестве и наконец-то получил зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.